

Семь дней -
1995 - 31 июля - 6 авг.
а 3

КОРОЛИ

ВПЕРЕДИ КЛАССИКОВ

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ БЭЛЗА

Первым человеком, который позволил себе говорить в эфире о серьезной музыке и не впадать при этом в подобающее теме занудство, был Святослав Бэлза. Это именно с его легкой шеи бабочки как непременный аксессуар светского мужчины, приятного во всех отношениях, впорхнули на экран и в жизнь. Это именно он знаменит тем, что цитирует любого классика с любого места в любом разговоре, и все это – кстати. И это именно он иногда сетует на то, что несколько несвоевременно родился.

и чудом уцелел, но изменить что-либо в графе "социальное положение" ради спасения семьи отказывался, мотивируя этот отказ знаменитой фразой: "Не могу же я обманывать партию!" Членом этой партии он, конечно, никогда не состоял, а был музыкантом и музыкальным критиком, дружил с Шеба-линым, Мясковским, Глиэром и Хачатуряном. Сам Святослав Бэлза вырос, можно сказать, на коленях классиков отечественной музыки. Даже его детская кроватка стояла в излучине папиного "Блютне-

ра". Конечно, папа мечтал, чтобы сын стал музыкантом, но, к счастью, не настаивал, и поэтому судьба сына сложилась именно так, как сложилась, и музыке он любит искренне, и бабочки носит с естественностью необычайной. А папа бабочки носил всегда, и к сыну они перешли вместе с этой любовью, – по наследству.

– Нет, вы знаете, я считаю, что детей все-таки нужно что-то заставлять делать. Сейчас же они почти совсем не читают. Сплошной телевизор, который я, конечно, очень люблю, но все-таки это не книга, и видеомagneфон... А теперь еще и компьютеры... И здесь очень многое зависит от семьи. Иногда, может быть, принуждение даже полезно. Я знаю из биографий многих больших музыкантов, что первые уроки скрипки или, скажем, фортепьяно, они брали из-под палки. А потом выяснилось, что это гений, родившийся как раз для этого инструмента. Представляете, японцы уже начали бить тревогу. Их дети, прекрасно считающие на компьютере, тем не менее таблицу умножения знают нетвердо. А мне бы хотелось, чтобы дети знали таблицу умножения. И в прямом, и в переносном смысле... Таблицу умножения внутреннего мира...

Он признается, что взял для себя за правило искру божественного легкомыслия вносить и в свое отношение к делам, и в свои отношения с людьми. Людей и дела он еще готов воспринимать серьезно, но себя самого – нет, это слишком опасно. Трудно поверить, но факт: эти качества, а также присущая ему, по свидетельству очевидцев, полная бесконфликтность, помогли Бэлзе продержаться в течение нескольких лет на посту художественного руководителя студии музыкальных и развлекательных программ Останкино. Абсолютно отступая перед любыми проявлениями агрессии, он, как ни странно, сумел сохранить свою "несвоевременную" передачу – "Музыка в эфире". То есть, если в нашем с вами замусоренном до состояния свалки эфире еще и звучит настоящая музыка, то это именно благодаря ему.

– Вы меня прямо каким-то монополистом представили. Но ведь есть еще "Вокзал мечты" Башмета, "Променады в Марининском" с Гергиевым, "Большой театр: дни и вечера"... Мало, конечно. Остальные – разовые счастливые случайности к юбилеям, под прикрытием каких-то круглых дат, в связи с приездом знаменитых гастролеров. Ценой невероятных усилий удается что-то показать, если уложишься в сетку вещания. Ну, казалось бы, что может быть у нас выше, чем Архипова и что может быть роскошнее, чем Кремль? Казалось бы, хватай и раздвигай любые сетки. Но и эти передачи с огромным трудом обретают свое место в эфире. Как будто не у вещания эта сетка, а у нас, на нас самих.

Наше замечание о его светскости Бэлза расценил как комплимент и предположил, что он только кажется таковым на фоне общей несветскости.

– Мне, по счастью, довелось знать людей по-настоящему светских. Я помню, что это такое. И поэтому могу сравнивать. Поверьте, нам всем до нее еще весьма далеко. Лихачев как-то сказал, что можно быть жадным, и прикинуться щедрым, можно быть злым, и прикинуться добрым. Но нельзя прикинуться интеллигентным. Светским – нельзя тем более. Тех русских, которых все сейчас называют новыми, можно назвать как угодно, и среди них есть много милых людей, но светских – крайне мало. Наши внуки будут, если наши дети захотят и смогут, – это я допускаю. Английский газон все-таки выращивается несколькими поколениями. А вообще я предпочитаю старых русских.

Анна АКУЛОВА,
Юлия ФРИД.

– Видите ли, если бы я мог выбирать время своего появления на свет, я постарался бы родиться году так в одна тысяча семьсот втором... или третьем... Или лучше так, чтобы в начале XVIII века оказаться уже человеком достаточно взрослым. Петровская эпоха мне очень симпатична. Я со многими там хотел бы повстречаться. Скажем, вот... с графом Брюсом. Он был – вы только представьте себе! – генерал-фельдцейхмейстер, подерживал своей артиллерией Петра под Полтавой, служил наукам и просвещению России и при этом еще был астрономом и составил Брюсов календарь. С другой стороны, конечно, любопытно было бы свидеться с иностранцами, которые наезжали в Россию уже в екатерининский век. Скажем, с Казановой, с шевалье де Оном... А граф Калиостро каков! Так что век XVIII, век галантный, мне кажется, подошел бы... Тогда и мое умение владеть шпагой пригодились бы, внушало бы соответствующее уважение.

Фехтовать Бэлза научился, потому что вовремя прочитал "Трех мушкетеров" и, как подобает нормальному мальчику, влюбился в них без памяти. Сейчас он говорит, что мушкетеры – единый организм, и разделять их нельзя, и любить нужно вместе, но в детстве был совершенно очарован д'Артаньяном, – конечно же, кем же еще? Научился фехтовать, даже стал чемпионом Москвы по фехтованию на шпагах, и до сих пор сожалеет, что в жизни его никто не вызвал на настоящую дуэль, а все спорные вопросы решались созвучным времени мордобоем. Впрочем, детство у него все равно было особенное.

– Я же, как говорил о себе Чехов, старый молодой человек и школу, с вашего позволения, закончил еще в конце 50-х. Это была английская спецшкола, в Сокольниках, не школа даже, а по сути лицей. Там действительно учили понемногу, в то время как в большинстве школ этого не происходило вовсе. А на вечера к нам привозили девочек из училища Большого театра. В общем, почти как в Царском селе, но с существенными поправками на советский режим. Видите ли, когда я начинал учиться, было раздельное образование, и девочек не хватало...

Вы удивитесь, но музыка у Бэлзы – все-таки хобби. А профессия – литература, поскольку в дипломе у него значится: "филолог-славист". Что, впрочем, никогда не мешало ему дерзновенно писать и об английской, и о французской литературе. Сфера его профессиональных интересов простирается от академического литературоведения до журналистики, но чаще всего воплощается в особом жанре, который Святослав Игоревич почитает самым своим любимым, – эссе-предисловия. Чтобы как-то оправдать эту слабость, Бэлза давно взял на вооружение афоризм Станислава Ежи Леца: "Хочешь быть впереди классиков, – пиши предисловия". Таким образом, он нередко оказывался впереди Шекспира, Эдгара По, Грэма Грина, Александра Дюма-старшего и Жюль Верна...

– А с Гринем, знаете, у меня вышла совсем мистическая история. Когда я заканчивал 10-й класс, то за успехи и примерное поведение мне подарили только что вышедшего на английском языке "Тихого американца" Грэма Грина. Эта книжка у меня сохранилась – с печатью школы и подписью директора. Потом, спустя много лет, я познакомился и подружился с Гринем. И я принес ему эту книжку, и он сделал на ней вторую надпись: "Святославу как тому школьнику..." Представляете? Учитывая, что именно Грину принадлежат прекрасные, с моей точки зрения, слова: "Только книги, прочитанные в детстве, могут оказать влияние на судьбу", – история эта приобретает совсем законченный вид.

Батюшка нашего героя, Игорь Бэлза, был польским дворянином, всю жизнь так и писал в анкетах